

Баба Тахир

Об авторе

<http://farhang.al-shia.ru>

Баба Тахир

Баба Тахир (конец X–XI вв.) – поэт, писавший дубейти (то есть состоящие из двух бейтов) на хамаданском диалекте. Дубейти от рубай отличаются размером. Стихи Баба Тахира долгое время передавались из уст в уста и были записаны не ранее XVII в.

«И небу, и земле...»

Перевод Дм. Седых

Создатель, все равно: сказать или смолчать –
И мысли все твои, и на устах печать.
Сорвешь ее – скажу, сорвать не пожелаешь,
Так, собственно, тогда мне нечего сказать.

4

Качаясь, брел домой, и ноги подкачали:
Я чашу уронил. Стою над ней в печали,
Гляжу – она цела. Да славится Аллах!
Ведь чаш разбитых – тьма, хоть их и не роняли.

6

С какую целью дал создатель алчность нам?
Чтоб тело ублажить, затем скормить червям?
Так, замысла творца не понимая толком,
Мы без толку живем, влачась к своим гробам.

7

Садовники, молю! Нет, не сажайте роз!
От их измен тону в морях ревнивых слез.
Нет, не сажайте роз! Колючки посадите.
А впрочем, и от них дождешься лишь заноз.

9

Тобою потрясен, я, словно ад, пылаю.
Неверным так пылать – и то не пожелаю,
И все же на огонь лечу, как мотылек.
А может, этот ад и есть блаженство рая?

10

Таким уж создан я – веселым и печальным,
И все ж нельзя меня считать необычным.
Из праха создан я. Кого там только нет?!
А значит, я таким родился не случайно.

11

Всей красоты твоей я так и не постиг.
Тюльпаны с горных круч ко мне приходят в стих,
Но ты красивей их, к тому ж – цветут неделю,
А ты надежда всех бесчисленных дней моих.

15

О сердце, я люблю, но совесть не на месте.
Твердят, что нет во мне малейшей капли чести.
А, кстати, так ли честь влюбленному нужна?
Скорей твердят о ней завистники из мести.

16

В могиле сладок сон под грудой камней,
Но как пошевелить конечностями в ней?
Как, лежа в тесноте, сражаться с муравьями?
А змеи, о творец! Как удирать от змей?

17

Всевышний судия! Так поступать не дело.
Пи ночи нет, ни дня, чтоб сердце не болело.
Я вечно слезы лью – и все из-за пего.
Возьми его назад, оно мне надоело.

18

Ни крова, ни друзей. Куда идти Тахиру?
Вдвоем с тоской своей куда идти Тахиру?
К вам, небеса? Твердят, что вы добрей земли,
А если не добрей, куда идти Тахиру?

21

Идет, идет. Пришла. Благословенный миг!
В аркане черных кос заката алый блик.
Они меня влекут, они меня арканят.
О сердце, возликуй! Ведь это ночи лик!

Мне шепчет, шепчет рок, твердит неумолимо:
«Боль сердца твоего, увы, неисцелима.
Ты на земле – чужой. На душу спроса нет,

И, хоть алмазом будь, пройдет прохожий мимо».

25

О, сколько ты сердец ограбил, точно тать,
И кровью их багришь, и грабишь их опять!
Но сочтено не все, что ты во зло содеял,
И что не сочтено, считать – не сосчитать.

30

О сердце, ты всегда в крови, крови, крови,
Томишься вновь и вновь от вечных мук любви.
Опять, опять, опять ты розу увидало
И снова мне твердишь: сорви, сорви, сорви!

31

Я тело приучил к страданию, о творец!
Душа скорбит и ждет свиданья, о творец!
Томлюсь в огне тоски. Сей бранный мир – чужбина.
Отсюда шлю тебе стенанья, о творец!

32

Всегда ли отличить от пользы можешь вред?
В чем сущность бытия, нашел ли ты ответ?
Сокрыты от тебя и тайны мирозданья.
А можешь ли постичь своих друзей? О нет!

34

Цветет веками степь и отцветет не скоро.
Столетиями в горах цветы ласкают взоры.
Одни приходят в мир, других уносит смерть,
А степь – все та же степь, и горы – те же горы.

36

Я сильным был, как лев, отважным был, не зная,
Что бродит рядом смерть, меня подстерегая.
Да, было время, львы бежали от меня,
Теперь, как ото льва, от смерти убегаю.

39

Сажал тюльпаны я, и горестно в груди
Рыдало сердце: «Знай, напрасны все труды.
Жизнь коротка. Едва раскроются бутоны,
Как небеса, увы, уже зовут: приди!»

42

Ты в сердце, о любовь! Так что ж тогда извне?
Похитила его. Так что ж стучит во мне?
О сердце и любовь, у вас одно обличье,
Поэтому постичь труднее вас вдвойне.

44

Могу ли я тебя в разлуке позабыть?
Иной свободы нет, как, мучаясь, любить!
И если в сердце ты остаться не захочешь,
Покою в нем не быть и красоте не быть.

46

Опять спустилась ночь в закатной тишине,
И снова, как вчера, душа моя в огне.
Боюсь, из-за любви к красавице неверной
И вера в небеса дотла сгорит во мне.

47

Блаженны, кто с тобой сидел по вечерам
И, услаждая слух, внимал твоим речам.
О, дай на них взглянуть, чтоб ощутить блаженство,
Коль не могу тебя хоть раз увидеть сам.

48

Печаль моей любви меня в пустыни гонит,
И жизнь моя, увы, в песках несчастий тонет.
А ты твердишь: терпи! Я плачу, но терплю,
Хоть знаю, что меня терпение хоронит.

50

Кто страстью воспылал, тот смерти не страшится.
Влюбленному ничто оковы и темницы.
Он – ненасытный волк. А крика чабана
И посоха его какой же волк боится?

52

Я в цветнике не раз вкушал вечерний сон,
Расцветшей розой был однажды пробужден.
Садовник увидал, что я пленился розой,
И сотнями шипов ее усыпал он.

53

За что наказан я, о небо? Разве мало
Я пролил слез? Уймись! Начнем игру сначала.
Ты на игральный стол с заоблачных высот
Меня швырнуло вниз и крупно обыграло.

56

Не в грезах, не во сне приди, а наяву!
Приди хотя б на миг узнать, как я живу.
Цветы долин и гор ты в волосы вплетаешь,
А я?.. Я на себе седые пряди рву.

57

Ты – слиток серебра. Хоть по твоей вине
Пылаю день и ночь, увы, не льнешь ко мне.
Я знаю – отчего. Ты, как огня, боишься
Того, что серебро расплавится в огне.

58

Я, соколом кружась, охотился за дичью.
Меня охотник сбил, и стал я сам добычей.
Когда летишь на лов, гляди по сторонам,
Не то тебя собьют под общий хохот птичий.

63

Изгнанником брожу в пустыне – днем и ночью.
Мне зябко, я дрожу и стыну – днем и ночью.
Не знаю, что со мной. Не болен я ничем,
Но высекает боль морщины – днем и ночью.

64

Сегодня пламень я. Я – огненная птица.
Взмахну крылом – и вмиг весь мир испепелится.
А если чья-то кисть меня изобразит,
Кто взглянет на портрет, тот в уголь превратится.

65

Приди, о соловей, любовью к розе пьяный,
Я научу любви безмолвной, непрерывной.
Над розой ты поешь, живущей пять ночей,
А я молчу всю жизнь, рыдая по желанной.

69

Я розу окружил любовью и заботой,

То орошал слезой, то жгучей каплей пота,
И роза расцвела. Допустишь ли, творец,
Чтоб аромат ее вдыхал не я, а кто-то?

71

Не запрещайте мне хоть миг побыть с желанной!
Плененный красотой, молюсь ей постоянно.
Погонщик, придержи спешащий караван!
Пойми, я лишь на миг отстал от каравана.

72

Я тот, кто у судьбы в немилости, в опале,
Я – странник, что живет мечтою о привале,
Сухой колючки куст, что ветрами пустынь
Гоним среди песков в неведомые дали.

74

Создатель, видно, ты покинул небосвод.
Душа моя болит, и сердце слезы льет.
Как радоваться мне, когда у недостойных
Ты коротаешь дни и ночи напролет?

79

Красавицы в степи тюльпаны рвут. О боже,
Любая на тюльпан сама точь-в-точь похожа!
Как это сходство я, слепец, не замечал?
Ступай, о сердце, в степь и рви тюльпаны тоже!

85

Гляжу ли в синеву, где кружится орлан,
Где в горизонт плывет верблюжий караван,
На море или степь, на горные вершины –
Я вижу только твой весь мир затмивший стай.

90

Нет, я твоей любви, красавица, не верю,
Покуда не придешь, не постучишься в двери.
Я сеял семена, я возвращал любовь,
А с поля я собрал пока одни потери.

91

Ох, сердце! Я уже вступаю в вечер поздний.
Не мне ли знать, что ты – сосуд вражды и розни?
Когда наступит час небесного суда,

Припомню я тебе все каверзы и козни.

94

Коль нет со мной тебя, во сне клубятся змеи,
Не радуют и дни, они ночей темнее,
А на кустах в саду сидят одни шипы,
Когда иду, грустя, по розовой аллее.

95

Дохну на синеву – и купол твой сожгу!
Все семь небес дотла со всей трухой сожгу!
И не раскаюсь, нет! Я требую покоя,
А если не вернешь душе покой, сожгу!

98

Захочешь ослепить – безмерно буду рад,
Захочешь сжечь – сожги! Блажен подобный ад.
Л позовешь в цветник, сорву цветок, в котором
Мне чудился бы твой тончайший аромат.

100

Весь мир лежит в пыли, и вьется в ней тропа –
Печалей и скорбей послушная раба.
В цветах гора Альванд, в ковре из гиацинтов,
Но каждый венчик желт, как и моя судьба.

101

Как луноликих гнет тяжел! Я изнемог.
Тюльпановым тавром ожог на сердце лег.
Но если завтра вновь красавицы помянут,
Вновь не смогу стереть смущения со щек.

103

Ищу ответ. Я стал скитальцем – отчего?
Я стал давным-давно страдальцем – отчего?
Все снадобье для ран и горестей находят,
А я не шевельну и пальцем – отчего?

108

Печалью болен я, она же и врачует,
В скитаниях моих возлюбленной кочует.
Она затем дана, чтоб разделить досуг,
Обдумать – что к чему, когда со мной ночует.

110

Не помню, как я жил. Мне кажется порою,
Что были иногда мгновения покоя,
Но так велик твой гнет и так невыносим,
Что мнится, будто жизнь была сплошной тоскою.

112

Да буду проклят я, коль посажу тюльпаны!
Да буду проклят я, коль их касаться стану!
Сто раз я был сражен похожей на тюльпан
И сто раз жертвой пал коварства и обмана.

114

Моей мольбе хоть раз ты внял, о небосвод?
Вращаясь, ты опять свершил круговорот,
Но те же у меня и горести, и муки.
Так безотрадно жизнь, наверное, пройдет.

115

Десницу поднял рок и ткнул в меня перстом,
Изгнанником с тех пор брожу в краю чужом.
Не чувствуя вины, я не покончил с жизнью.
Осталось слать мольбы и каяться. Но в чем?

116

Молчанию гробниц мой плач вполне под стать,
Хоть плачу оттого, что не могу молчать.
Мне говорят: «Молчишь, не знаешь, значит, горя».
Нет, горя я хлебнул, да мочи нет кричать.

117

Ты рождена для роз, для неги в цветнике,
А я – брести в пыли и увязать в песке,
Но где бы ни был я в скитаньях по пустыням,
Ты предо мной встаешь миражем вдалеке.

118

Как соль, в моей душе тоска растворена,
Ночами до зари огнем горит она,
И если поутру одним ревнивым вздохом
Соперников сожгу, в том не моя вина.

121

Тащу тяжелый груз всех в мире слез и ран.
Да разве я верблюд, ведущий караван?
Печальнее всего, что я уздою скован.
А повод подлецам тобою в руки дан.

125

О сердце, разожми хотя б на миг тиски,
На волю отпусти из рук твоей тоски!
Ты – ловкий птицелов. Ты так искусно ловишь,
Что даже не кладешь зерна в свои силки.

132

Тот счастлив, у кого всегда легка мошна.
Беспечно он сидит за чашею вина,
Смеется от души и пьет за луноликих,
А в чашу с высоты глядит сама луна.

133

Сказал ты, что я похож на морехода –
Стремлю свою ладью во всякую погоду
По морю слез. Боюсь, однако, одного:
Пойдет ладья ко дну, и вслед уйду под воду/

134

Увы, ты своего добился, о творец, –
Разрушил подо мной опору наконец,
Но, коль ее решил снести до основания,
Пусть приговор свершит быстрее твой гонец.

136

Коль изловчусь схватить за горло небосвод,
Не отмолчится, нет, открою силой рот.
Пусть скажет: почему одним дает лепешку,
Другим же – сотни благ и тысячи щедрот?

140

Я на горе Альванд забрался на утес
И посадил тайком одну из редких роз,
Но только пробил час упиться ароматом,
Как ветер-ветрогон красавицу унес.

141

Из рук моих полу ты выдернула снова

И удалилась прочь, не обронив ни слова.
Не каешься? Ну что ж... Пойду схвачу полу,
Которая со мной не будет столь сурова.

148

Любовь дарит шипы, а розы – лишь вначале.
Опять вернулись дни сомнений и печали.
Я получил письмо. Красавица моя
Мне больше не верна. Была ль верна? Едва ли.

151

Уходит караван, с барханами сливаясь.
Я вслед ему гляжу и снова каюсь, каюсь.
Придет пора, и мы покинем этот мир,
Где так же вдаль бредем, под вьюками сгибаясь.

152

Дыхание твое свежей рассветных рос,
Хмелею без вина от амбры черных кос,
Когда же по ночам твой образ обнимаю,
От ложа поутру исходит запах роз.

155

Страдания поймет лишь тот, кто сам страдал.
Податливей в огне становится металл.
О пасынки судьбы, сраженные печалью,
Придите, вас пойму, я горе испытал.

157

От козней сердца выть хочу подобно волку.
Я сердце поучал, но не добился толку.
Я ветер умолял: «Возьми его!» Не взял.
Швырнул в огонь, шипит, дымится, да и только.

161

Оборванный, босой бродяга – это я.
Тот, чья судьба скупа, как скряга, – это я.
Тот, с кем печаль и скорбь ночами неразлучны,
Кто даже смерти ждет, как блага, – это я.

162

Моя постель – земля. Забыл о теплом крове.
За что казнишь? За то, что воспылал любовью?
Но ведь не только я один тебя люблю, –

Однако у других не камень в изголовье.

163

Я, ищущий в тебе сомнениям ответ,
Безумней мотылька, летящего на свет.
Есть норы у зверей, у ползающих гадов,
А у меня для сна – и то приюта нет.

166

В моей любви к тебе безумие таится.
Слезами я плачу за сладкий миг сторицей.
Влюбленные сердца сродни сырým дровам:
Кладешь чурбак в огонь, пылает и слезится.

169

Не лги себе, Тахир, в душе не суесловь!
Где святость, коль вокруг ручьями льется кровь?
Не пустынь¹ этот мир, нет, не обитель скорби,
Откуда к небесам возносится любовь.

170

Я плачу по утрам кровавыми слезами,
И вздохи в небеса отбрасывают пламя.
Когда ж приду к тебе, я столько слез пролью,
Что скроется земля под слезными морями.

172

Твои глаза влекут. Обилен их улов.
И я не избежал расставленных силков.
Средь любящих тебя немало есть достойных,
Немало и пустых, как средь моих стихов.

173

Подобно тигру, жизнь когтями тело рвет,
А ум и сердце взял в оковы небосвод,
О небосвод, молю, сними свои оковы,
Достаточен земной невыносимый гнет.

178

Я в траур погружен, и в том твоя вина,
Посеяны тобой печали семена.
В твоих глазах вопрос: что так меня согнуло?

¹ Пустынь – уединенное место, где жил отшельник.

Непрямота твоя, посулов кривизна.

180

Стремлюсь к тебе одной, и ни к кому иному
Полезно лишь одно из снадобий больному.
Любовь твоя – огонь, сжигающий меня,
А пепел от него – сладчайшая истома.

182

Да разве это жизнь, когда ночлега нет,
Когда не раздобыть лепешки на обед?
Есть голова, но в ней рассудок есть едва ли,
Коль телу голова приносит только вред.

184

Коль в сердце нет любви, оно никчемней праха.
Кто в клочья на себе готов порвать рубаху,
Сгорая от огня неистовой любви,
Тот стоит одного из двух миров Аллаха!

187

О сердце, ты – корабль, сидящий у лагуны
На рифе, где кипят и пенятся буруны.
Мне говорят: «Тахир, сыграй на таре нам!»
Но разве зазвучат оборванные струны?

188

Ты головой моей швыряешься давно,
Но не нарушу, нет, обета все равно.
Коль сочетанье звезд к трусливым благосклонно,
Дождусь поры, когда изменится оно.

190

Я сердце положить готов на твой порог,
Я голову отдать готов мечу в залог.
На что она, когда собою не владею,
Когда от страсти я, безумец, изнемог?

191

Любовь к тебе слепит и жжет сильней огня,
Лишь горсточку золы оставит от меня,
Но даже если ты любовь под корень срубишь,
Побеги прорастут немедленно из пня.

193

Создатель, с той поры, как я увидел свет,
Я только и грешу, грешу десятки лет.
Во имя, о творец, двенадцати созвездий,
Молю, закрой глаза! Скажи: «Не видел, нет!»

194

Я наг. Но кем раздет? Какой жестокой силой?
По чьей вине всю жизнь свожу себя в могилу?
О, дайте, дайте нож! Я вскрою грудь. Хочу
Увидеть, что любовь с душою сотворила.

197

Когда молюсь творцу, душе на миг светло.
О, если бы мое моление помогло!
Влачи свою судьбу иль будь изнежен ею,
Смерть – камень, человек – лишь хрупкое стекло.

199

Коль с дерева плоды свисают за ограду,
Теряет и покой, и сон хозяин сада,
И пусть оно родит алмазы, все равно
Немедленно срубить его под корень надо.

200

В садах моей души могильные цветы.
Ни поросли надежд, ни завязи мечты.
Безжизненны пески в моем умершем сердце,
В нем даже не растут отчаянья кусты.

204

О, как твое лицо среди гиацинтов кос
Напоминает куст цветущих алых роз!
Влюбленные сердца в твоих кудрях трепещут,
Запугавшись в сети пленительных волос.

209

Тюльпаны нежат взор, увы, всего неделю,
Цветут на склонах гор, увы, всего неделю.
Иду из края в край, в отчаянье кричу:
«Любить красавиц – вздор! Они верны неделю!»

210

О сердце, ты всю жизнь ступаешь по шипам,
Подстерегает рок тебя то здесь, то там.
Когда бы ты могло, как ношу, сбросить тело,
Насколько тяжкий путь казался б легче нам!

212

Пустыня. Что ни шаг – опасность. Ночь темпа.
Колочая трава в потемках не видна.
Ни проблеска огня. От ноши ноют плечи.
Счастливец, у кого легка была она.

215

О, если б у меня была одна беда,
Считал бы: светит мне счастливая звезда,
А будь у ложа врач, жена или подруга,
Не счел бы я бедой и ту беду тогда.

218

Моей душе вручил все скорби этот мир.
Не потому ли я так одинок и сир?
Страдальцам эликсир находят от страданий,
А для меня само страданье – эликсир.

222

О вероломный мир! Ты стал моей темницей.
Шипами ты сумел в мою полу вцепиться.
Смирясь, тащу арбу печалей и скорбен,
А над моей спиной заносит кнут возница.

228

О небосвод, не будь коварным палачом!
Пусть не даришь роз, зачем же стал шипом?
Ты на меня взвалил мучительное бремя,
Зачем же делать вид, что ты тут ни при чем?

230

Нет, роза у могил распутниц не растет,
Когда ж растет, и цвет, и аромат не тот,
Трава не зелена, дички не плодоносят,
Лишь свесят иногда презренья горький плод.

233

Я на твоём пути усядусь и опять,

Наверное, тебя напрасно буду ждать,
Но время отомстит, и муки ожидания,
Неверная, тебя заставит испытать.

236

Ты ароматна так, как ароматен сад,
И пусть твоя любовь таит смертельный яд,
Коль ступишь невзначай на край моей могилы,
Я тотчас оживу, вдохнув твой аромат.

239

Ни разу я на сбор поклонников не зван.
Ни разу тайный знак тобою не был дан.
Боишься? Но чего? Тебя ведь не убудет.
Не может обмелеть безбрежный океан.

241

Влюбленные души и сердца не щадят.
Что любящему – рай, нелюбящему – ад.
Кто тратит на любовь разменную монету,
Беднее бедняка, пусть даже и богат.

244

Не совершай дурных поступков никогда,
Чтоб не пришлось краснеть, сгорая со стыда.
Раскаешься, и все ж молва тебя осудит,
И тесен станет мир от этого суда.

246

Без мук любви душа сухой травы мертвей,
Не знавшей ласк росы и сладости дождей.
«О, лучше умереть, чем жить, любви не зная!» –
Так по утрам поет над розой соловей.

247

Богатства мира – прах, текучая вода.
Поскольку ты пришел на краткий миг сюда,
Приумножай стократ в своей душе печали,
Зачтутся лишь они в день Страшного суда.

249

Я к обреченным жить испытываю жалость,
В развалинах души печаль обосновалась.
О небосвод, взвали на плечи мне печаль,

Которая еще в твоей суме осталась.

256

Под тяжестью твоей, о рок, бессильно гнусь.
Кочуешь вслед за мной, впиваясь, точно гнус,
И мне исподтишка дороги переходишь.
Таков твой подлый нрав. Ты по натуре трус.

259

Не станет храбрым трус, шакалу он родня,
Не радуюсь, когда несчастье у меня.
Есть мудрые слова у сына Фаридуна:
Не пышет жаром печь, в которой нет огня.

261

Пускай ты падишах, конец – небытие.
Пускай вселяешь страх, конец – небытие,
Пусть перстень твой ценней сокровищ Сулеймана,
Ты превратишься в прах. Конец – небытие.

262

Одни боятся мук, другие жаждут мук,
Одним подай бальзам, другим подай недуг,
А мне по сердцу то, что нравится любимой:
Приму и радость встреч, приму и боль разлук.

263

Я – пасынок судьбы, не знающий участия,
Оплавившая свеча, сжигаемая страстью,
Я сохну на корню и не плодоношу.
А ты дожди сковал своей жестокой властью.

269

Из глаз на мой подол не слезы лью всечасно,
А кровь моей души, увы, тебе подвластной.
О, как твой гнет жесток! Но лучше промолчу.
О гнете промолчать намного безопасней.

275

Мы – гости на пиру за призрачным столом,
А впрочем, мы скорей на кладбище живем:
При жизни роют нам безвременно могилу,
А вырыв, говорят: «Живите, вот ваш дом!»

276

Какой для мира прок от золота сквалыг?
Будь щедростью души и в нищете велик!
При жизни накопить достаточно на саван,
Одежду мертвецов – и нищих, и владык.

278

Счастливы те, кому к тебе доступен вход,
Ты осыпаешь их дождем своих щедрот.
Таков закон любви, проверенный веками:
Кто дерзок, тот всегда срывает лучший плод.

280

Будь львом или ослом, орлом или вороной,
Конец у всех один: земли сырое лоно.
Растянешься пластом и не стряхнешь с себя
Ни крысы, ни змеи, ни тли, ни скорпиона.

284

То сердце не поймет печали безысходной,
Которому взирать на радости угодно.
Я не виню тебя. Так исстари идет:
О тех, кто заточен, не думает свободный.

285

По кладбищу бродил вечернего порой,
Как вдруг услышал вздох под каменной плитой,
И череп так сказал источенному праху:
«Не стоит этот мир соломинки одной!»

286

Ни с кем не дружит рок. Ты року подневолен.
Он даже не вздохнет, терзает – и доволен,
А если и вздохнет, так только для того,
Чтоб погасить свечу у тех, кто обездолен.

293

Я серый и седой, как высохший камыш,
Стенаньями души бужу ночную тишь,
А дни идут, идут печальной чередой...
Но где тебе понять? Ты безмятежно спишь.

294

Я плачу по ночам, живу, как полутруп,
Но с близкими – и то на излиянья скуп.
Кто настезь пред людьми распахивает двери
В тайник своей души, безумен или глуп.

297

Кто лицезрел тебя вблизи хотя бы раз,
Тот с твоего лица не сводит больше глаз.
Когда моя душа твои ресницы видит,
Сто тысяч стрел в нее вонзаются тотчас.

300

Как видно, чашу мук испил я не до дна.
И днем покоя нет, и ночью не до сна.
Беда, коль у тебя любимая капризна,
Всю душу изведет причудами она.

302

По кладбищам бродил, и тем, что поскромнее,
И тем, где встретишь склеп иных палат пышнее.
Без савана нигде не видел бедняка
И в двух ни одного не видел богатея.

307

Я нищ, и потому я страхами богат.
Коварно в мой сосуд судьба вливает яд.
Я ею осужден вздыхать, стонать и плакать,
Хоть и не знаю, в чем пред нею виноват.

310

Всевышний судия, низвергни небосвод!
Пускай и он, как я, слезами изойдет!
Когда меня печаль хотя б на миг покинет,
Я буду знать, что ты швырнул его с высот.

313

Мы только жалкий миг живем на этом свете.
О друг, не попадай привязанностям в сети!
Ты слышишь, вот вдали опять истошный крик,
Ты слышишь, чью-то боль опять доносит ветер?

315

Смиренно жизнь влачу бродяги-горемыки

И плачу, чтоб текли в твоём саду арыки.
Сажаю день и ночь тюльпаны для тебя,
А всходят вместо них кусты колючки дикой.

317

Любовь к тебе – других за мною нет провин.
Что ж обречен блуждать и дни влачить один?
Не знаю, где искать потерянное сердце,
Но твердо знаю: в нём ты полный властелин.

318

Пусть от соли слез ресницы не очищу,
Униженно молить не стану, точно нищий.
Дотла, дотла сгорю в огне моей любви!
Ты даже не найдешь золы на пепелище.

321

Не уподобься, друг, безмозглому глупцу,
На козни юных дев не жалуйся творцу.
Есть на неверье спрос и есть на благочестье,
Торгуй такой товар, какой тебе к лицу.